

БОТО ШТРАУС

[48]

ИЛ 9/2014

Неожиданное возвращение

Пьеса

Перевод с немецкого и вступление Владимира Колязина

Бото Штрауса, казалось бы, не следует представлять нашей читающей публике — в 2001 году в издательстве “ГИТИС” вышел том с пятью его пьесами, москвичи видели на гастролях бесспорно удачную и запоминающуюся постановку новосибирского “Красного факела” по пьесе “Время и комната”. Но знакомство, к сожалению, не продолжилось.

За четыре десятилетия работы Штрауса в театре, литературе и эссеистике критикой предложена добрая дюжина эффектных определений и ярлыков, в каждом из которых есть попытка приближения к сути: “анатом доброй старой Федеративной Республики”, “летописец нашего безвременья”, “идеальный современный бульварный драматург с высочайшим вкусом”, “поэт постмодернистской комедии дель арте”, наконец, “певец заката”, “любимое дитя немецких культурпессимистов”. И все же чаще всего критики называют его “аутсайдером и циником”, “алхимиком слова”, “трудным”, “наиболее спорным”, “дискуссионным” автором, что в критериях современного немецкого театроведения — высший класс.

© Carl Hanser Verlag München, 2002

© Владимир Колязин. Перевод, вступление, 2014

Славу крупнейшего немецкого драматурга Штраусу обеспечили постановки Петера Штайна, Люка Бонди, Клауса Пайманна, Томаса Лангхоффа, Вильфрида Минкса, Патриса Шеро, Ингмара Бергмана. Ему одинаково удаются и мужские, и женские персонажи. Историки театра давно уже в один голос утверждают, что в своих пьесах «драматург воссоздал историю немецкого послевоенного общества, изобрел новый метафорический язык и утвердил критерии нового, постмодернистского стиля». Да если бы он остался только лишь завлитом Петера Штайна в «старом» Шаубюне на Халлешен Уфер, куда он пришел молодым человеком, известным критиком журнала «Театр сегодня», его имя уже вошло бы в историю театра. Почти все крупные работы Штайна сделаны при таком активном участии Штрауса, что его с полным правом можно было называть соавтором постановок. Штайн ревниво отнесся к драматургическим опусам завлита, словно бы предчувствуя скорый уход того в драматургию. Но, поставив вскоре «Такую большую и такую маленькую» (1978) с блистательной Эдит Клевер в главной роли, обеспечил ему череду драматургических триумфов — «Трилогия свидания» (1977), «Парк» (1984), «Время и комната» (1989), «Финальный хор» (1991)...

Штраус известен своим экстравагантным поведением. Беспрецедентны его нелюбовь к публичности, театральным и телевизионным «тусовкам», отказ от премий, статьи, иногда шокирующие критикой современного общества. И новое эссе Штрауса «Огни ворот» (2013), в котором констатируется приход эпохи глупости и нового человека массы — «идиота», немецкое общество отвергло как оскорбительно элитарное и мизантропическое. Последние годы писатель и вовсе уединился в тихонькой деревушке в Уккермарке, на границе с Польшей. Интервью он принципиально не дает, на премьерах не появляется (а если и появляется, то инкогнито). Одним словом, его присутствие в интеллектуальной жизни Германии заключается исключительно в спорах вокруг его произведений — пьес, романов и эссе.

Как и вся проникнутая «избыточным» интеллектуализмом немецкая драма, пьесы Штрауса трудно усваиваются русским театром. Лишь одна постановка состоялась в «Красном факеле» (1995 г., реж. Олег Рыбкин) — к счастью, очень удачная, выдержанная в стилистике Штрауса. Руководитель одного известного московского театра, прочитав представляемую ныне пьесу, прислал переводчику письмо следующего содержания: «Извините, но я в жизни ничего более глупого не читал».

Согласится ли с этим вердиктом наш читатель?

Люку Бонди

Мечтая стать певцом, он строит башню и теряет голос.

Анри Мишо

Действующие лица

Мужчина

Женщина

Его подруга

Другой мужчина

1

Смотровая площадка на середине горного склона. Мужчина, сидя на скамье, смотрит в бинокль на долину. Другой мужчина в одежде, не вполне пригодной для продолжительных пеших походов, поднимается на площадку.

Другой мужчина. Простите, вон та дорога, что без указателя, тоже ведет к Рюдерсбергу? Может, она покороче?

Мужчина. Идите спокойно этой дорогой. Она удобная и вряд ли намного длиннее. Минут через двадцать доберетесь до хижины. Видите (*протягивает ему бинокль*), там внизу шале с камнями на крыше? Выше озера, с мощным двориком?

Другой мужчина. Да. Теперь вижу. Вы там живете?

Мужчина. Мы по-прежнему живем на Штутгартской площади. Помните? Здесь мы только снимаем летний домик. Видите внизу женщину, она как раз развешивает на веревке чистое белье?

Другой мужчина. Да.

Мужчина. Вы ее не узнаете?

Другой мужчина. Нет.

Мужчина. Когда-то она сделала из-за вас аборт.

Другой мужчина опускает бинокль.

Я вас очень хорошо знаю. Сразу же узнал. Когда-то вы были моим кошмаром. Помните мою жену? Ингрид? Это она там, внизу.

Другой мужчина. Ингрид? Помогите. Дайте подсказку.

Мужчина. Когда-то вы были моим кошмаром. Но и я, я тоже когда-то был для вас величайшей угрозой. Я тогда хотел вас убить. Ну, помните Ингрид? Вы правда забыли ее?

Другой мужчина. Нет. Кажется, я понимаю, о ком речь. Была у меня короткая интрижка с одной женщиной... которая вообще-то, несмотря ни на что, была вполне счастлива в браке.

Мужчина. Вот именно. Со мной. Она была моей женой. И по сей день ею осталась. Ингрид Таммер.

Другой мужчина. Ингрид Таммер.

Мужчина. Ради вас она опять взяла девичью фамилию. Я тогда два года исполнял обязанности управляющего государственными музеями. А вы как раз открыли свою первую галерею на Райхсштрассе. Галерею "Полдень".

Другой мужчина. Действительно очень давняя история. Лет двадцать прошло, а может, и больше. То, о чем вы рассказываете, словно из другой жизни. Я успел отойти от торговли искусством. Сомневаться стал, на что лучше ставить. Доверие потерял к новейшим художникам. (Пауза). Тогда вы, значит, господин Кушке или Каушке.

Мужчина. Штефан Каунч. Полагаю, в разговорах с вами она переиначивала мою фамилию до неузнаваемости, до смешного. Наверняка никогда не говорила "Мой муж". А что-то вроде "О, этот господин Куш!" Или: "Ах, этот господин Кнауш, он же не станет нам мешать!"

Другой мужчина. Мне это запомнилось совсем по-другому. Для меня это звучало даже чересчур нежно, я всякий раз ревновал, когда она говорила: "Ах, если бы мой дорогой Каунч это знал!.. Из-за меня он переносит столько лишений! Как было бы хорошо, если бы он сидел сейчас за нашим столом. По крайней мере, хоть раз бы досыта наелся вместе с нами". У этой женщины был добрый и чуткий характер.

Мужчина. Досыта наелся, видите ли. А я и не голодал. И ни в чем не нуждался. Но пировать так, как вы с ней, постоянно кутить напропалую, было у нас не в обычае. Я ведь служил всего лишь управленцем.

Молодая женщина (Его подруга) поднимается из долины на смотровую площадку и ставит перед Мужчиной корзину для пикника. Здоровается и открывает корзину.

Его подруга. Доброе утро. Я принесла закусить. Сегодня опять жди жары. На обед будет только гаспачо и салаты. Согласен?

Мужчина. Конечно, согласен. Спасибо, мой ангел. Очень мило с твоей стороны.

Она уходит вниз к шале.

Другой мужчина. Это она... Господи! Ведь это была Ингрид Таммер?

Мужчина (*смеется*). Вот те на! Ингрид!.. Вы забыли, с тех пор минуло два десятка лет, и даже больше!

Другой мужчина. Мне вдруг показалось, что я уже встречал ее! Для меня это была Ингрид. Я все время представлял себе ее, когда мы говорили об Ингрид. Странно все-таки. Именно ее. Конечно, вы правы. Ей ведь вряд ли больше двадцати.

Мужчина. Это была Леони. Подружка. У нее тоже хороший аппетит. А Ингрид с нами за столом не ест. Она ест рядом, на кухне.

Другой мужчина. Ингрид? Она снова живет с вами?

Мужчина. Вы видели ее в бинокль. Хотя на таком расстоянии... в общем, да. Я ей мщу. Мщу вдвойне и втройне. За все, что она вместе с вами причинила мне тогда. Вот и расплачивается. Вдвойне и втройне.

Другой мужчина. Это непорядочно. Это ужасно. Мелко и ужасно. Я должен взять ее под защиту — Ингрид Таммер.

Мужчина. Поскольку я получаю удовольствие, это отнюдь не мелко, поверьте.

Другой мужчина. Мстите лучше мне!

Мужчина. Вы же не остались. Вы уехали. Скрылись. А она осталась. Вернулась. И от разочарований никуда не денешься. Все сложилось совсем не так, как думалось тогда. А теперь круг замыкается, господин Клеменс Вагнер. Окончательно и бесповоротно. (*Снова смотрит в бинокль.*) Проворства ей по-прежнему не занимать. Вон как бодро двигается. Вопреки всему, что ее обременяет. Вопреки всему, что ей угрожает. (*Протягивает Другому мужчине бинокль.*) Я знаю историю одного человека, который превратился в Отелло и задушил свою жену через двадцать лет после интрижки, которая была у нее с его лучшим другом. И о которой он узнал, случайно узнал, только после смерти этого друга. Ему было нестерпимо думать, что жена, которую он бесконечно любил, двадцать лет держала его в плену этого низкого обмана. Нестерпимо думать о собственной доверчивости. О том, что она двадцать лет спокойно наблюдала за ним, доверчивым простаком, а то и жалела. Недостаток подозрительности теперь привел его в бешенство. Он хотел убить не ту, что некогда обманула его, а единственную свидетельницу своей жалкой доверчивости. В нашем же случае все обстоит иначе. Я все знал с самого начала. И вы никогда не были моим другом. Я знал всегда, задолго

до того, как это случилось. Я видел это по ней, еще в самые счастливые наши дни, всматривался в слишком веселый блеск ее глаз и знал, что она способна в любую минуту побежать за другим. Пристать к нему. Навязаться. Терпеть от него пощечины. Она отталкивала меня, издевалась и унижала. Я ей вас предсказал. В наши самые счастливые дни я ей предсказал, что она меня предаст. Что когда-нибудь, в объятиях другого, в ваших объятиях, она перестанет понимать, откуда у нее вообще бралось чувство ко мне, хотя, когда я предсказывал ей это, я был для нее самым любимым человеком! Ничто в ее поведении не намекало на предательство. Что само по себе и было подозрительно. Безрассудство в ее глазах. Радость жизни. Просто-напросто ненасытное любопытство и радость жизни. В браке любят только женщину, способную на измену. Ту, что в состоянии это сделать. Любовь в браке — по сути, любовь к потенциальной прелюбодейке. Женщина, которая возвращается к тебе после горького урока, после поражения, кое-что узнавшая о собственной натуре, навсегда утрачивает этот волнующий ореол, природный талант неверности. Больше она никогда не убежит.

Вот я и вернулась, сказала она. Довольно робко. Но все еще с этим едва ли не нахальным блеском в глазах. Да, сказал я. Ты вернулась. И теперь в тебе нет ничего невозможного. Черт возьми! У моих ног всего лишь кучка неудач. И ради этого — чудовищные затраты ревности, отчаяния, тоски, бессонницы и мысли о самоубийстве, беспримерное сужение жизненного горизонта и угроза существованию, ради этой жалкой особы, которая вдруг вернулась, этой весьма жалкой особы, как мне представляется теперь, именно потому, что она вернулась. И эта боль, адские муки, мысли о смерти — все это, оказывается, было напрасно? Не может быть!

Другой мужчина. Позвольте, но для меня все это имело совсем другой смысл...

Мужчина. Конечно. Вы ведь подвигли ее на супружескую измену. Вы были победителем. Я — проигравшим.

Другой мужчина. Тогда никто об измене не говорил. Это слово мы даже не произносили. Эти древние слова пришли к нам гораздо позднее. Из какого-то темного прошлого. Нет, тогда это было нечто легкое, мимолетное, шаловливое, никто не принимал это всерьез. Я, между прочим, успел с тех пор понять, что почти одинаково хорошо и чего-то не иметь, и что-то иметь.

Мужчина. Да, теперь-то вы от всего отрекаетесь. Можете даже обучать Великому отречению. После того как имели все. После того как все осталось позади. После того как сорвали цветы удовольствий.

Другой мужчина. Я вовсе не говорил об отречении. Вот уж не подозревал, что человек может быть таким злопамятным. В этом есть что-то нездоровое. Какой-то комплекс. Вы злопамятны самым противоестественным образом.

Мужчина. К тому же вот еще что. Я нашел Ингрид 22 марта 1979 года... между прочим, дивным весенним днем, я как раз направлялся на работу, когда внутренний голос сказал мне: с ней что-то случилось! Ты должен ей помочь. Она в большой опасности. Я давно выследил ваше любовное гнездышко, маленькую квартирку на Мотцштрассе, и даже добыл себе ключ. Я ведь хотел вас убить, Клеменс. Не забывайте. Я твердо решил это сделать, и у меня в голове уже сложился план. Но тем утром, боже мой, я нашел Ингрид на полу, завернутой в ковер. Без сознания. Я предположил, что у нее кровоизлияние в мозг. Немедля отвез ее в хирургическую клинику, где ей сделали операцию. Аневризма. Маленькое расширение сосуда, который в этом месте лопнул. Опоздай я на полчаса, и она бы умерла. Она давно страдала гипертонией. Столь напряженная ночь с вами была ей не по силам. Судя по всему, вы с ней были не одни. Ночью были еще какие-то гости, но к моему приходу все уже разошлись, а моя жена беспомощно лежала на полу. Но почему она была завернута в этот ковер, голая? Что вы с ней делали? Она по сей день ничего не помнит о событиях той ночи. Скажите мне: что тогда произошло?

Другой мужчина. Я не хочу говорить об этом.

Мужчина. Двадцать лет ломаю себе над этим голову. Но теперь волею случая гора вас исторгла, темная гора Рюдерсберг, которая всегда чуточку нас угнетает, когда мы там внизу, в доме. И я, наконец-то, хочу об этом у вас узнать.

Другой мужчина. Я не хочу об этом говорить.

Мужчина. Но Ингрид наверняка захочет узнать. По-моему, она вправе узнать об обстоятельствах, которые едва не привели ее к смерти.

Другой мужчина. Это было так давно. Двадцать с лишним лет назад. Мне совсем не хочется снова копаться в своих юношеских грехах. Для меня все это — грехи нашей юности.

Мужчина. Вы тогда были навеселе. Так у вас с моей женой было принято. Может, перебрали. Кокаин время от времени нюхали?

Другой мужчина. Я ударил ее. Мы совершенно изнемогли и хотели выжать из себя последнее. Стали друг перед другом на колени и начали драться. Да, стоя перед ней на коленях, я наносил ей удары. Поскольку она ловко уклонялась, я все больше входил в раж. Один раз я здорово ей врезал. Она схватила со стеклянного столика какой-то предмет, кажется, шахматную доску, и швырнула мне в голову. Я вскрикнул и рухнул на пол. А потом кинулся на нее, не помня себя. Тогда-то она, должно быть, и завернулась в ковер. И вдруг перестала шевелиться. Я бросился к ней, целовал, гладил ее, но она не двигалась. Только раз-другой вздрогнула всем телом. И тут я перепугался. Меня словно оглушило, я совершенно потерял самообладание. Страх, что я убил ее, мучил меня днем и ночью. И я в панике сбежал. Просто сбежал.

Мужчина. Вот видите. А потом являюсь я со своим надежным инстинктиком, смотрю, все ли в порядке. Вот видите. Я уберег вас, и вы не стали убийцей. Ладно. Я спас своей жене жизнь, как видите. Без сомнения, это важный поворотный момент в уже не очень счастливой любовной истории. Это устанавливает между мужчиной и женщиной новые взаимоотношения. Она вернулась ко мне. Хотя и не такая, как раньше. Когда чудом избегаешь смерти, самые обыкновенные вещи предстают в новом свете. Даже скромный чиновник и муж-рогоносец выглядят по-иному. Но я не мог так сразу предать забвению все подробности ее измены. Потребовал от нее задним числом свидетельств, каких сам добыть не сумел. Еще она должна была придумать вам нелепое имя. Вы должны были называться только Бешеный или Дикарь. Ведь вы легко приходите в бешенство и распускаете руки. Так ей было легче говорить о некоторых неприятных деталях. В конце концов вы стали для нас смехотворным персонажем, который никому уже не причинял боли. В общем, вы для меня — самый что ни на есть близкий человек.

Другой мужчина. Лучше бы вам мне не доверять.

Мужчина. Вам я могу доверять, видит Бог.

2

Двор перед шале. Женщина вешает на веревку простыню. За простыней — силуэт Его подруги.

Его подруга. Тебе не кажется, что за последнее время ты сильно сдала? Не думаю, что я сдала так же сильно, как ты.
Женщина. Все-таки ты тоже сдала. Да, сдала.

Его подруга выходит из-за простыни, садится на табуретку у стены. Женщина тоже садится на табуретку рядом с веревкой. Во время следующей реплики Его подруга достает из-под платья маленький револьвер, завернутый в бархатный лоскут, и в тот самый миг, когда Женщина обеими руками поднимает вверх свои длинные волосы, направляет его на ее обнаженную шею. Когда она опускает волосы, Его подруга тоже опускает оружие и кладет его на колени.

Его подруга. Тогда это из-за тебя. Это наверняка из-за кого-то, кто очень сильно сдал во всем. Я сдала совсем немного. Разве что в мелочах. Не более того. Сущие пустяки! Это неизбежно и не имеет значения.

Женщина. Повтори, пожалуйста, еще раз.

Его подруга. Еще раз? Боже мой. Я не сумею.

Женщина. Я ведь всегда хорошо на тебя влияла.

Его подруга. Ты? Влияла на меня? Ты никогда на меня не влияла. Книжки, которые ты мне приносила, я никогда не читала. Выставки, которые ты мне рекомендовала, я никогда не посещала. Просто потому, что мне претит твой вкус. *(Начинает делать наброски в блокноте для рисования.)*

Женщина. Я еще раз долго-долго на него смотрела. На Штефана. Моего мужа. Куда легче спокойно наблюдать за человеком, когда ему уже не принадлежишь. Когда больше не надо с ним считаться. Иногда я вместе с ним дрожу от радости. Даже если радость не моя, даже если я сама не чувствую никакой радости, а только — его радость. Он еще раз застал меня врасплох, с тех пор... С тех пор как появилась ты. Такова моя участь. И это меня удивляет. Он прикоснулся ко мне как-то не по-настоящему. Не как раньше, давным-давно, до тебя. Но на моей попке были его руки. И без сомнения, имел он меня, а не тебя. Застал меня врасплох, как чужую. Хотя и скулил как собака. В этом, пожалуй, и заключался глубокий смысл того, как он застал меня врасплох, — в полном покое. Внезапно, пока я тихо созерцала его персону.

Его подруга. Кожа у тебя тонкая и сухая, как пергамент. Колени острые, как горлышко разбитой бутылки. Зад плоский. За что же твоему мужу взяться?

Женщина. Тело засыпает только на мгновение. Однажды оно снова проснется.

Его подруга. У твоего тела все позади.

Женщина. Может, мне отрезать волосы? По-твоему, короткие волосы пойдут мне больше? Или опять их покрасить? Или уже слишком поздно и не стоит больше менять свой облик?

Его подруга. Нужно хорошенько обдумать, как воспользоваться последней возможностью.

Женщина. Последней возможностью? Теперь мне больно. Я задаю вопрос, ты же видишь, я в отчаянии, а потом...

Его подруга. Ты в отчаянии? Я не заметила, что ты в отчаянии. Это оттого, что ты всегда стараешься произвести хорошее впечатление. *(Подходит к ней.)* Везде перхоть. Очень короткие волосы. Что ни прядь, то другой цвет. Жуткая пестрота.

Тебе бы пошло. Везде перхоть. Ах ты, бедняжка.

3

Двор. Его подруга и Женщина накрывают на обеденный стол. За спиной у них появляются Мужчина и Другой Мужчина.

Мужчина. Я привел на обед нежданного гостя.

Женщина *(оборачивается, видит Другого мужчину)*. Нет!..

Непроизвольно становится подле мужа, берет его под руку. Под его защитой ведет следующий диалог. Тем временем Его подруга исчезает в доме.

Другой мужчина. Я пришел залечить старые раны.

Женщина. Вовсе незачем.

Другой мужчина. Ну хорошо. Фраза не достигла цели. Я немного дрожу.

Женщина. Как вы здесь оказались?

Другой мужчина. Более или менее случайно. Навещал приятеля в Линдау и немного заблудился в горах.

Женщина. Заблудились?

Другой мужчина. Наверно, слово не совсем подходящее...

Женщина *(быстро, с любопытством)*. Вы все еще держите галерею?

Другой мужчина. Нет. Это перестало быть выгодно. Мой сын и я...

Женщина. У вас есть сын?

Другой мужчина. Да. Сын. Девятнадцати лет. Коммерсант. Мы теперь пытаемся организовать торговлю вином. Пробуем.

Женщина. И живете все еще на?..

Другой мужчина. Да. Все в той же квартире.

Женщина. А как ваша одышка?

Другой мужчина. Немного получше.

Женщина. Вот видите. Вы еще живы.

Другой мужчина. Вы находите?

Женщина. Нет, я хотела спросить о другом. Жива ли еще ваша мать? Она тогда дважды пыталась покончить с собой.

Другой мужчина. Да, жива. Уж она-то жива! Еще раз спаслась. Справилась. Сделала глубокий вдох, и кризис был преодолен.

Женщина. Как много воды утекло с тех пор! Каждый четверг в одиннадцать утра я ходила с вашей матерью в бассейн. На Круммештрассе. А потом к ювелиру. Она вечно отдавала что-нибудь в переделку, кольца сползали с ее высохших пальцев.

Другой мужчина. Давно это было. Теперь она никаких украшений не носит. Вы самоотверженно заботились о моей матери, Ингрид.

Женщина. Ах, вы ведь никогда не были мной довольны. Что-нибудь всегда было не так. Что-нибудь шло вкривь и вкось.

Мужчина. Тема: подарки ко дню рождения.

Женщина. Да! Верно! (*Разыгрывая сценку.*) Смотри, какой прелестный пустячок я тебе приготовил. — Что это? — Вначале потяни за язычок. — Ха! Не так-то просто. Черт. Не выходит! — Медленно. Осторожно. Ты же испортишь подарок, не успев его увидеть. Ну вот, получилось. — Что-то мягкое, да? — Чувствуешь, какое мягкое на ощупь? — Да, очень мягкое. Здорово. Странная штучка! А для чего она? — Я вижу, ты с этим не разберешься. — Какая приятная на ощупь. Телячья кожа, да? Можно ее носить на теле? — Можно и на теле. Засунь ее себе куда угодно!

Другой мужчина. (*под всеобщий смех*). Она была моим миссионером. А я терпеть этого не мог. Она миссионерствовала методами восточной медицины. Делай изометрические упражнения — или я больше не приду. Если ты не ешь овсяные отруби, то не жалуйся на одышку.

Женщина. Тоже верно.

Мужчина. Первое, что мне показалось подозрительным, было едва заметное прикосновение. Мне бросилось в глаза, что Ингрид, когда вы с ней говорили, произвольно касалась вашей руки, обычно так делают, чтобы лучше кого-то слышать. Наверное, вряд ли есть что-то более возбуждающее, чем первое тайное перешептывание с чужой женой, которая наклоняется через какую-то преграду и якобы невзначай так приближается к те-

бе, что ее ресницы щекочут твою щеку. И при этом торопливо шепчет: “Я могу устроить нам встречу в следующее воскресенье!”

Женщина. О, эта фраза!..

Мужчина. О, эти таинственные прикосновения, эти короткие бесстыдные перемигивания — от меня ничто не ускользнуло. Я их все сосчитал и выстрадал!

Женщина. Но я ведь трогаю за руку каждого, кто меня о чем-нибудь спрашивает, чтобы лучше его слышать. У меня всегда было неважно со слухом.

Мужчина. Вы знаете, у меня были весьма своеобразные представления о неверности моей жены. Я буквально жил в этих представлениях, питался ими. И не желал доказательств. Я хотел остаться дураком в этом деле, бараном, который уперся в ворота. Я молил Бога, чтобы измена как можно дольше осталась недоказанной. И никто и ничто не могло унять непрерывную тревогу — ни человек, ни книга, ни картина. Ибо все на свете наводило меня на подозрения.

Женщина. Но эти два года были просто захватывающими.

Мужчина (*подает бокалы с вином*). За наши бессонные ночи! За нашу одышку. За нашу кровожадность. За наше забываемое несчастье!

Его подруга подходит с подносом к столу.

Думаю, пора закусить. (*Вскользь, жене.*) Ты обедаешь сегодня вместе с нами. (*Другому мужчине.*) Я забыл вас познакомить. Леони, это господин Клеменс Вагнер, в свое время один из ведущих антикваров Вест-Энда. Мне вспоминается кафе неподалеку от вашей галереи, там вы сидели однажды с моей женой и кормили друг друга. (*Своей подруге.*) Он совал ложечку ей в рот, а она — ему. Взрослые люди! Внезапно налетела буря, зонтик над ними вот-вот мог перевернуться. Я — всегда поблизости, всегда готов помочь жене, если ей угрожает опасность, — подошел к их столу и поправил зонтик. Они меня даже не заметили.

Женщина. И ведь мы всегда были очень осторожны. Правда? Вы — даже чересчур. Прямо как прелюбодей, который боится оставлять на неверной супруге отпечатки пальцев.

Мужчина. Порой в эти тяжкие годы я жил так, будто мое время еще только настанет. Твое время придет, говорил я себе, совершенно без оснований, без малейшего света в конце тоннеля. И в этом горьком отчаянии энергично потирал руки.

Другой мужчина (*Женщине*). Теперь, когда я вижу вас перед собой, слышу, как вы обо всем рассуждаете... о том, что случилось тогда. Этот странный блеск в ваших глазах. Наверно, я всегда говорил о пламени за огнеупорным стеклом.

Женщина. Однажды я изрядно вас смутила. При посторонних. На почте. В очереди. Вы забыли? Я расстегнула пальто и вдруг оказалась перед вами в чем мать родила. Продемонстрировала себя вам у всех на глазах. Но вы мне не подыграли. Вам было стыдно перед людьми, а я себе понравилась.

Другой мужчина. Да, чего только тогда вы не делали.

Мужчина. По-моему, это случилось в почтовом отделении одиннадцатого округа. Ты поехала на неделю в Париж под тем предлогом, что хочешь навестить подругу. Анке Хопф. Она уехала на неделю к своим родителям и оставила вам свою квартиру. Улица Этенсель, девятнадцать.

Другой мужчина. Улица Этенсель, девятнадцать. Жалкая дыра! Неопишимо грязная. Матрацы на полу и кошачий туалет за изголовьем.

Его подруга подает ему салаты и итальянскую ветчину.

Сижу с вами и тотчас становлюсь обжорой. Припудрите ветчину пармезаном! Спасибо.

Его подруга. Вы всё это съедите. А потом? Потом, глядишь, станете отрицать, что вы это сделали. Наверно, скажете: я, собственно, съел лишь половину того, что хотел. Или: я лишь немножко полакомился. Да, дойдет до того, что вы скажете: ох, у меня сегодня во рту маковой росинки не было. От обжоры я жду правды. Но вы, вы обманываете и себя, и нас. Нечестно относитесь к еде, которую поглощаете. Собственно говоря, вам ничего в жизни, кроме съестного, не надо. И, знаете ли, вскоре многие вещи вам покажутся съестными, их число будет расти и расти, пока не станет устрашающе огромным. Однажды вы не откажетесь и от цветов в вазе. Затем обглодаете фанеру по краям подноса. А в конце концов — привяжете сотрапезников к стульям и начнете грызть ногти у них на ногах и руках. Так всякий, кто когда-то начинал как обычный обжора, мало-помалу становится всеядным животным, прожорливой глоткой, чудовищем, равно далеким от человека и зверя, пастью из пастей, которая норовит поглотить сердце земли.

Другой мужчина. Поглощать — хорошее слово. В сущности, я вовсе не ем. Не делаю того, что обычно называют

“есть”, “пожирать”. У меня скорее потребность что-то поглощать. Что-то, о чем я себе говорю: возможно, это пойдет тебе на пользу. Приобретет для тебя значение. Выглядит приятно. Нравится. Еще вполне в тебя влезет. А может, даже придется... по вкусу!

Его подруга. Но вы не едите свеклу и к кукурузе не притронулись!

Женщина. Улица Этенсель. Конура. И в ней — ваши руки. В ней — наши планы на будущее и глубокое доверие.

Другой мужчина. Послушайте, вы! Вот он, опять этот ваш восторженный голосишко. Конура, конура. Правда вот в чем: каждую ночь ее тошнило. Каждый раз после этого дела, как говорится, после акта, она обязательно вставала и блевала. Ее беспрестанно терзала нечистая совесть.

Женщина. Я сидела, скорчившись, в углу комнаты, голая. В углу комнаты! Едва я попыталась встать, делала шаг-другой вам навстречу, как вы хватали меня и швыряли назад в этот угол. Как тюк грязного белья. Я была так слаба и все время стремилась назад, к вам. Но вы кричали. Издевались надо мной. Зачем нужны силы? И цветущее здоровье? Чтобы тебя швырнули в угол, где тебе и придется сидеть.

Другой мужчина. Извините: вы сами умоляли меня сделать вам больно. Я хватал вас покрепче и делал то, что вы от меня требовали.

Мужчина. Особой нежностью она никогда не отличалась. (*Шепчет Женщине.*) Ты не очень-то распространяйся. Помалкивай лучше.

Другой мужчина. Дошло даже до того... она даже попыталась мне отомстить! Притащила с собой в комнату немецкого журналиста-алкоголика. И этот жирный низкорослый брюзга подполз к ней на четвереньках и увидел, как она жалобно стонет и блюет. Ухмыльнулся и сказал: “Теперь я стану тебя бодать! Бодать! Потому что я бодливый, как козел!”

Мужчина. Не взваливаете все на хрупкие плечи бедного доктора Швайгера. Все-таки я тоже провел кое-какие расследования. О нем и речи не было. Он и дальше не играл никакой роли. Именно эту поездку в Париж я мог бы восстановить в памяти почти без пробелов.

Его подруга. В жизни надо на все смотреть через замочную скважину. Так сказано в “Книге мышей”¹. В этом хаосе,

1. По-видимому, имеется в виду популярная в Германия и в 2000-е гг. серия сатирических “Книг мышей” Яна Хармса. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

в этом тарараме, в этой круговерти, где окна, двери, лестницы, пролеты вихрем мельтешат вокруг тебя, в этом безумном вихре надо найти единственное место, главное отверстие, через которое целеустремленно созерцают необычайное — красоту, достоинство, покой.

Мужчина. Это ты хорошо сказала, Леони. Это настраивает всех нас на размышления.

Его подруга. Минутку. Есть еще кое-что. Моя свекровь...
(Показывает подбородком на Женщину.)

Мужчина. Не надо, Леони. Не теперь.

Трое остальных, разговаривая, ближе встают друг к другу, в то время как Его подруга на этом фоне тихо продолжает свое.

Его подруга. Нет. Надо. У моей свекрови сегодня большой день. Ей даже позволено сидеть вместе с нами за столом. Удостоили чести. Но у меня тоже есть свои праздники, дни памяти и дни веселья. Наверное, по мне и не скажешь. Но у меня дома есть замечательный врач. Я пока только упомяну о нем. Я его очень люблю. Мой гинеколог, который помогает всяким глупышкам, а десяткам иностранок вообще не выставляет счетов; и как нарочно, жена у такого человека — сущее наказание. Каждого второго она называет пролетарием, послушать ее, так на свете, куда ни глянь, одни пролетарии. Однако ж велит печатать на его визитной карточке и свое имя. Хотя даже в часы приема ему не помогает. Этот добродушный и благородный человек, доктор Гектор Гессулис, вконец запуганный своей визгливой, склочной женой-уродиной, полностью у нее под каблуком. Напечатать визитную карточку и то не может, не поставив на ней ее имя. “Карла Вангенхайм, дизайнер интернет-сайтов”. Дизайн, сайт — при чем тут гинекология? Вот он — весь как на ладони — непозволительно слабый мужчина. Мне его не жаль — мне больно, бесконечно больно.

Другой мужчина. Думаю, в свое время Ингрид хотела хоть раз что-то получить целиком для себя. Некий секрет. Что-то, чем не поделилась бы с вами. Что принадлежало бы ей одной. Так ведь оно и было, в сущности, а?

Женщина. Он ведь с самого начала за всеми шпионил. Буквально за всеми.

Мужчина. Леони, что случилось? Ты постоянно бормочешь что-то себе под нос. (Другому мужчине.) А вы, мой дорогой, когда мы стояли на вершине и наблюдали за моей женой в бинокль, вы ведь ее даже не узнали! И это после романа, который у вас был.

Другой мужчина. Все эти истории, в сущности, развиваются примерно одинаково. Я напомню вам о Джоне Эверетте Милле, великом художнике, прерафаэлите. Он тоже не устоял перед соблазном вступить в Академию и отбить жену у Джона Рёскина, портрет которого писал. Это почти неизбежно. При определенных условиях. На определенном переломном этапе жизни.

Женщина. Леони! От чего ты хочешь непременно избавиться?

Его подруга. История с визитной карточкой... Нет. Тебе я не могу сказать.

Женщина (*Другому мужчине*). Теперь расскажите-ка нам о вашем сыне. Когда вы женились? Кто ваша жена? Чем занимается? Или и с ней все так же “развивалось”?

Мужчина принимается убирать со стола.

Другой мужчина. Когда мальчику было одиннадцать, Марион решила уехать к своей сестре в Аргентину. Втихомолку. Я разом лишился семьи. Полтора года спустя оба вернулись назад. Что-то не склеилось. Вообще-то она хотела навсегда остаться с мальчиком в Аргентине. У сестры. Я так и не узнал, что там произошло. Но у нас с женой ничего не получилось. Не удалось нам возобновить давние отношения.

Женщина (*после паузы, тихо*). Чего вы хотите от меня?

Другой мужчина. Вопрос на вопрос: Что вы еще позволите с собой сделать?

Его подруга. Штефан Каунч!.. Теперь хорошенько послушай меня! (*Подходит к Мужчине, помогает ему убирать посуду.*) Со мной случилась маленькая неприятность. Я на третьем месяце.

Мужчина. Да ну? С каких пор? Давай поговорим об этом позже. Сейчас не совсем подходящий момент. Это что-то новое!

4

Двор. Женщина и Другой Мужчина возвращаются с длительной прогулки.

Другой мужчина. Как ты говоришь? Ты чувствуешь, что снова на подъеме? Ха! Ты же неудачница! Ты была со мной на волосок от счастья. Мы тогда играли на счастье и несчастье — и тебе выпало несчастье! Тебе сейчас года пятьдесят два-пятьдесят три? Ты больше никого не обнимешь до конца своей жизни. Теперь ты одна. На-

всегда. С ним. С мужчиной, который никогда больше к тебе не прикоснется. Господи, как я тебе благодарен, что уберегся от тебя двадцать лет назад! Еще чуть-чуть — и меня бы постигло несчастье остаться с тобой!

Женщина. Ты хочешь еще раз выказать мне свое отвращение. Пожалуйста, я могу это понять. Я же тебе не навязывалась.

Другой мужчина. Я — человек, которому с тех пор все удавалось... Которому не пришлось жертвовать ни личной жизнью, ни профессией, ни здоровьем, с тех пор как... как ты бросила меня и вернулась к прежней жизни. Я смог вновь собрать свои силы, мне больше незачем было расточать их на что-то невозможное. На тебя.

Женщина. Но я теперь снова здесь.

Другой мужчина. Что ты сказала? Да. Теперь ты здесь. И ничего невозможного в тебе больше нет. Ты просто скопище неудач.

Женщина. Не заблуждайся. Я ни о чем тебя не прошу.

Другой мужчина. Ты меня? Да и о чем? Когда я наблюдаю за тобой... вижу тебя перед собой... Нет, нет. Я тебе благодарен. Как уже говорил.

Женщина. Представь себе, что все пошло бы по-другому. Что я бы тогда осталась у тебя. Представь себе, что ты провел бы со мной последние двадцать лет, день за днем.

Другой мужчина. Нас давно бы уже не было.

Женщина. С ребенком или без?

Другой мужчина. Крах мы бы потерпели так или иначе.

Он сидит внутри тебя. Твое малодушие — уже крах.

Женщина. Что ты собираешься делать со мной?

Другой мужчина. Твой возраст разделяет нас. Сильнее, чем монастырская стена. Сильнее, чем ревнивый супруг. Сильнее, чем гордость и обида. Вот эту... эту маленькую женщину я обнимал? Я никогда бы не смог сделать это снова. И все же когда-то я так крепко обнимал эту женщину, что и сейчас это влечет меня, приковывает к ней.

Женщина. Твой образ давно исчез. Образ, который сочиняют для других. Я задаюсь вопросом: когда люди ищут друг друга в мире ином, как они узнают один другого? Мы ведь выгладим уже не такими, какими знали друг друга. Образ исчез. Образ человека спасти невозможно. Проходит немного времени — и мы теряем облик. У тебя больше нет облика.

Другой мужчина. Вот как. Зато он есть у тебя.

Женщина. За прошедшие двадцать лет я всегда старалась изящно выглядеть. Даже если это никому не было нужно, как это часто бывало.

Другой мужчина. Может, у тебя иногда было чувство, будто я откуда-то за тобой наблюдаю? Разве ты никогда не испытывала внезапного сердцебиения, словно мы вот сейчас, на следующем углу, вновь столкнемся лицом к лицу?

Женщина. Нет. Об этом я никогда не думала. Я хотела изящно выглядеть для себя самой. Хотела спасти свой образ. Я еще верю, что Штефан его любит.

Другой мужчина. Образ? Или тебя?

Женщина пожимает плечами.

Я не встречал ни одного мужчины, который бы карал свою жену большим презрением, чем твой муж.

Женщина. Ты находишь?

Другой мужчина. Ну да!

Женщина. Но я знаю, он меня любит.

Другой мужчина. А ты его?

Женщина. Нет. Он спас мне жизнь.

Другой мужчина. Он обманывает, унижает, высмеивает тебя — может, для того тебя и спас?

Женщина. Я с ним. Больше мне ничего не надо.

Другой мужчина. Как ты думаешь, почему ты теперь остаешься с ним и почему в свое время не осталась со мной? Песня-то одна и та же — твое малодушие.

Женщина. Ты думаешь? Я себе это по-другому объясняла. Я всегда считала, что в ту ночь, когда лопнул сосуд, в нашу последнюю ночь, когда ты бросил меня в беде, не хочу тебя обижать, но я всегда считала, что с твоей стороны было некоторой трусостью — просто так исчезнуть, навсегда.

Другой мужчина. Я много размышлял над этим. Ни тогда, после этих отвратительных эксцессов, когда все вышло из-под контроля, ни позднее все никак не мог собраться с духом встретиться с тобой, правда, мне было стыдно смотреть тебе в глаза.

Женщина. До вчерашнего дня ты даже не знал, выжила ли я тогда! Не была ли я уже двадцать лет как мертва!

Другой мужчина. У меня к тебе предложение. Пожалуйста, выслушай меня. Мой сын хочет бросить торговлю. Она идет неважно. У него теперь есть подруга, и он хочет сам встать на ноги. Моя семья всегда все решала не в мою пользу, когда борьба шла не на жизнь, а на смерть. На самом деле мои профессиональные дела от-

нюдь не хороши, Ингрид. Но сейчас я принял очень важное решение. Возвращаюсь к антиквариату. Тут у меня безусловно талант. Я снова открываю галерею. Масса людей только и ждет, чтобы я снова вступил в дело. В одиночку мне это не осилить. Но вместе мы справимся. Мы двое. Таково мое предложение. Мы снова обретем друг друга, будем вместе работать.

Женщина. После этой унылой прогулки вокруг озера... Сегодня так душно, так безумно жарко! Я хочу простирнуть свои платья на берегу. Иди в дом.

Другой мужчина. Лучше я сяду на камень и буду смотреть на тебя.

Женщина. Я теперь старуха. Как ты говоришь.

Другой мужчина. Я уверен, что увижу тебя снова.

Женщина. Но мне стыдно, ты ведь не захочешь больше ко мне прикасаться. Поэтому я не могу перед тобой раздеться.

Другой мужчина. Стабильного времени нет. Есть эти внезапные наплывы — между прошлым и настоящим. Между тогда и теперь. Ты представляешься мне сегодня прежней. Так бывает, Ингрид.

5

Четыре человека, словно отброшенные взрывом в разные стороны, отвернувшись друг от друга, стоят чуть ли не в оцепенении.

Женщина. Ты потеряешь свою девушку из-за нашего гостя. Я вижу, скоро это случится.

Мужчина. Тяжкое подозрение. Мне нужны доказательства.

Женщина. Пускай она спросит у Клеменса, не останется ли он у нас еще на день-другой.

Мужчина (*Своей подруге*). Дорогая, подойди-ка сюда! Пожалуйста, попроси Клеменса остаться у нас на выходные. Меня он не слушает.

Его подруга (*равнодушным тоном Другому мужчине*). Почему бы тебе не остаться у нас на выходные?

Другой мужчина. Что ж, почему бы и нет? Если вы не против. Это было бы чудесно. (*Женщине*.) Ты знаешь, пожалуйста, я не стану на выходные возвращаться в Линдау.

Женщина. Почему? Там тебя ждет друг. Поможет тебе открыть новую галерею. Великий шанс в Линдау! Что может быть лучше открытия нового дела?

Другой мужчина. Я знаю. Но остаюсь.

Женщина. Глупее ты ничего сделать не можешь. Это глупо и опасно.

Другой мужчина. Я уже потому не поеду, что не хочу прозевать, как ты задохнешься от собственной подлости.

Его подруга (*Мужчине равнодушным тоном*). Он остается.

Мужчина (*Женщине*). А что, если ты окажешься права?

(*Своей подруге.*) Ты рада?

Его подруга. Да. Рада.

Мужчина. Твое равнодушие — актерство, и плохое.

Его подруга. Почему ты меня оскорбляешь? Можешь себе это позволить? (*Подходит к Другому мужчине.*)

Женщина (*Мужчине*). Подобными грубостями ты загоняешь ее к нему в объятия.

Мужчина. Ты хотела мне навредить.

Женщина. Кто требовал доказательств?

Мужчина. Ты же черт-те что несла, дура!

Женщина. Кажется, я уже говорила: все сбылось, еще до того как я открыла рот.

6

На следующее утро. Мужчина убирает со стола. Его подруга, полураздетая, с мобильным телефоном за пояском трусиков, сидит поодаль от стола и читает книгу. Другой мужчина подходит к ним.

Мужчина. Ах, это вы. Рад, рад. Подсаживайтесь. Мы пока не вполне способны общаться. Выпьете что-нибудь? Бокал вина?

Другой мужчина. Позже.

Мужчина. Слишком много снотворного. Я уж думал, сегодня ночью мне конец. В последнее время глотаю слишком много таблеток. Каких? Да любых. Чтобы вечером уснуть. Чтобы днем сохранять бодрость. Я уж думал, мне конец. Испытал опасное апноэ. Удушье. Вы знаете: когда при храпе прерывается дыхание. Если продолжится дольше трех минут — синяя асфиксия. Мертвый штиль. Вы уже на том свете. А все-таки хорошо с малюткой. Жизнь снова обрела форму. С малюткой стоит жить. (*Неожиданно резко Своей подруге.*) Брось читать! Это косное, неподвижное, упрямое занятие. Сидишь, скорчившись в три погибели, читаешь толстенные кирпичи и оттого делаешься еще более жалкой, чем ты есть. Прекрати читать! Возьми телефон и поговори с кем-нибудь. Набери номер и поговори. Поговори с кем-нибудь тут, рядом с нами.

Его подруга (*кладет книгу на пол и набирает номер на мобильном телефоне*). Это я, Леони. Не спрашивай. Я тебе кое-что расскажу. Недавно на твоей улице я видела художника, который выставил себя на всеобщее обозрение, привязал себя вниз головой к кресту. Рана в боку, терновый венец. Я подошла к нему, обняла, взяла его голову в руки и начала его целовать и утешать. Я так тебя уважаю, так люблю твою работу, шептала я, умоляя его отказаться от насмешки над Христом. Мне больно, сказала я, больно, что большой художник опускается до таких дешевых ретрономеров. Это все что угодно, только не дешевый ретрономер, заорал художник, вися вниз головой, и обложил меня вульгарной бранью. По причине зычного голоса он с бранью перестарался и норовил покрасоваться перед аплодирующими единомышленниками. Это не какая-нибудь паршивая чепуха, грязная выбаба, а скорее это высокое, высочайшее творение художника, свинья вы трахнутая, вечная борьба против существа, что всех нас задавило, изначально сделало ответственными за бесчисленные преступления против человечности, против искусства, против жизни мужчины и женщины, против жизни вообще, обсосанная вы потаскуха. Я вас проклинаяю! Плюю на вас! Дерьмо! Да, говорю я, давайте гадьте. Этак-то, в всячем положении, вы нагадите сами себе на голову. Вот к чему все сводится: вы сами нагадите себе на голову. (*Мужчине.*) Достаточно? (*В мобильник.*) Спасибо, что ты меня выслушала.

Мужчина. “Художники!” — так говорят чиновники, причем зачастую пренебрежительно. Слава Богу, есть масса. Слава Богу, есть надежный основной состав неприкасаемых. Лишь потому, что он есть, могу быть и я. Слишком нас много, очень чувствительных. Их число все прибывает, и они все чувствительней. Я, к примеру, слишком чувствителен, чтобы выносить иные произведения Моцарта. От этого искусства меня охватывает боязнь высоты. У меня голова кружится, когда я слушаю 537-й номер по Кёхелю. Я готов выброситься из окна. Мне всякий раз нужен рядом человек поглубее, чтобы в безопасности слушать 537-й номер. Она не просто талант. Можете сами убедиться. Я и слова не скажу о ее рисунках. Оставлю вас на минутку наедине с этими произведениями. Вы сами их оцените. Я в этом случае уверен на все сто. Вы знаете, я редко ошибаюсь. Недаром всю жизнь занимался изобразительным искусством. Без передышки. Великие люди? Энди Уорхол был великим?

Твомбли¹, должно быть, велик. Его ниточки, его парящие частички, это мы — ниточки, не больше.

Мужчина уходит в дом. Другой мужчина рассматривает лежащие вокруг рисунки. Его подруга возвращается из дома. Она набросила на плечи халат.

Его подруга. Рафинад... серебряная сахарница... Это вы стащили сахар?

Другой мужчина. Не шуми так. Ты нервируешь меня. Прислонись спиной к стене, на минутку, тихо-тихо. Ну давай. Давай же. Руки скрести сзади на ягодицах. Так. Прислонись. Оставайся так. Кто ты? *(На миг хватается ее под халатом за грудь.)*

Его подруга. Что ты... *(В смысле: что ты хочешь этим сказать?)*

Другой мужчина. Ничего. Ничего это не значит. Что здесь происходит?

Его подруга. А что здесь должно происходить? Безвестный мужчина шестидесяти двух лет берет в подруги юную художницу и поощряет ее талант. Это никому не в новинку. Я всю старалась погрузить его в мир иллюзий, чтоб он раздулся как индюк. Быть может, когда-нибудь я его обезглавлю. Отделю красный шар от торса.

Другой мужчина. Сама-то ты не обольщаешься?

Его подруга. Я ему помогаю. Я в его распоряжении. Он использует мой организаторский талант. На что его жена больше не способна.

Другой мужчина. Счастливый человек.

Его подруга. Рано или поздно он почувствует правду.

Другой мужчина. А именно — когда ты его покинешь?

Его подруга. Он должен был соображать. Все эти истории кончаются одинаково. Думать надо было, прежде чем идти на это. За мной никакой вины нет.

Другой мужчина. Послушай-ка меня. У меня к тебе предложение. Рисунки у тебя необычные. Ты еще в самом начале пути. И не должна сейчас заниматься ненужными вещами. Работай старательней. Развивай фантазию. Я снова открываю свою галерею. Ты можешь мне помочь. Я знаю многих людей, которых могли бы заинтересовать твои работы.

Его подруга. Я немедля пошла бы за вами. И охотно бы вам помогла. У меня на самом деле организаторский талант.

1. Сай Твомбли (1928–2011) — американский художник-абстракционист.

Я бы попробовала рисовать старательнее. Точно. Но не могу. Я жду от него ребенка.

Другой мужчина. Ах... вот как.

Его подруга. Не хочу быть неблагодарной, но...

Другой мужчина. Кого ты в конечном счете обязана слушаться? Его? Или свой талант? Тут не может быть сомнений. Идем, пока не поздно!

Его подруга. Я еще не согласилась на ваше предложение!

Другой мужчина. Разве может быть выбор между каким-то там мужчиной и началом художественной карьеры?

Его подруга. Но я думаю остаться с ним. Дай мне время. Мы могли бы договориться о встрече попозже.

Другой мужчина. Попозже? Ты, очевидно, не понимаешь, что поставлено на карту. Не знаешь, каким чертовски шустрым надо быть в нашей сфере. Ты слишком молода и еще не знаешь, когда в жизни наступает главный момент. А я тебе говорю, что для тебя он как раз настал: или ты реализуешь свой шанс, или навсегда его лишишься. Жалкая художница-дилетантка в руках ухмыляющегося чиновника. И ты никогда его не бросишь! (*Хватает ее за плечо, внезапно делает ей больно.*) Слишком ты молода. И должна меня послушаться. Понимаешь?

Его подруга. Оставьте меня. Пусти.

Другой мужчина. Ты пойдешь за мной. Будешь слушаться меня. Ты же художница!

Его подруга. Стоп!.. Стоп!.. Стоп!..

Другой мужчина. Используй меня. Используй меня, по крайней мере. Хотя бы две недели!..

Его подруга. Оставьте меня! (*Высвобождается.*) Скажу тебе совершенно честно: мужчина, который стал бы для меня откровением, должен выглядеть иначе, чем ты. Я говорю это, вовсе не желая тебя оскорбить.

Другой мужчина. То есть не желая меня щадить? Хорошо. Ты — художница. Ты своего добьешься и без меня. Что тут оплакивать?

Его подруга. Я... Все так внезапно.

Мужчина (*выходит из дома*). Что сейчас происходит? Я вам скажу, что сейчас происходит. Излияние святого человеческого духа в машину. Машины оживляются. Вещи эмансипируются от нас. Впечатление об этом вы можете получить, рассматривая эти тревожные рисунки. Люди-машины! Нет, что я говорю! Совершенно новые, неведомые создания!

Его подруга собирает рисунки и уходит в дом.

Мужчина (*неожиданно очень доверительно Другому мужчине, в то время как оба медленно входят в дом*). Я должен соблюдать строжайшую осторожность. Я ведь человек мягкосердечный. У меня слезы на глаза наворачиваются, даже когда я просто спокойно наблюдаю за ней. Когда я вижу линии ее спины, лопатки, впадинку вдоль позвоночника — золотое сечение, мой дорогой... эта красота для меня непонятна. И хотя я даже могу прикоснуться к ним, этим идеальным линиям, прикоснуться кончиками пальцев, всей ладонью, чудо от этого не становится меньше. Я касаюсь идеала. Мои руки дотрагиваются до непостижимого. Я, черт побери, должен соблюдать осторожность.

Оба уходят.

Женщина (*окликает издали*). Стол убран? (*Выходит с корзиной, полной белья для глажки*.) Стол не убран. (*Ставит корзину на стул и вытирает стол*.) Везде они что-нибудь да оставляют. Вокруг все больше и больше грязи. Мы в конце концов задохнемся в этой неряшливости. Эта грязь. Беспорядок. Везде от них мусор. Мы утонем в этой трясине. (*Принимается гладить*.)

Другой мужчина возвращается во двор.

Другой мужчина. На кого ты похожа!

Женщина. На себя. Кто-то же должен работать. Тебе это мешает? Зачем ты вернулся? Почему ты только теперь взялся меня искать?

Другой мужчина. Собственно говоря, я хотел добраться только до Линдау. Потом совершил вылазку в горы — но мне кажется, я шел по магическому следу, который вел меня к тебе.

Женщина. Ты сидишь сейчас здесь только потому, что тогда не смог меня сломать. Видимо, это не дает тебе покоя. Не дает, и все.

Другой мужчина. Я едва не прошел мимо. Там, на вершине. Но этот смешной человек, который смотрел в бинокль на долину и с большим удовольствием наблюдал сверху за своей женой и любовницей, остановил меня. Спросил: “Видите внизу женщину, она как раз вешает белье? — Я тебя не узнал... — Когда-то она сделала из-за вас аборт...”

Женщина. Когда я об этом думаю, понимаю, что двадцать лет назад была ничуть не счастливее, чем сегодня.

Другой мужчина. Ты начинаешь подделывать свою историю. Прячешься за горькими воспоминаниями, чтобы

оградить себя от огромного искушения, каким мы были и навсегда останемся друг для друга.

Женщина. Думаешь, я, словно маленькая девочка, гоняюсь за искрами давно потухшего пламени? Это всего лишь один из несчетных костров на твоём пути, а в конце его — полное одиночество. У меня же был только этот костер. Лишь однажды я пошла по этой дороге. И теперь от меня осталась лишь прожженная черная дыра.

Другой мужчина. Давай уедем, пока не пришли остальные. Идем, пока не поздно, Ингрид. На сей раз ты мне нужна. На сей раз речь идет не об удовольствии или капризе. А о чистой воды выживании. Мне нужно за что-то схватиться. Иначе сползу под откос. Схватиться за что-то покрепче. И я знаю, без твоей помощи это мне не удастся.

Женщина. Да. От меня много пользы. Со мной — и в огонь и в воду. На меня вполне можно опереться, когда начинаешь новое существование. Я большая помощница. Но я останусь здесь.

Другой мужчина. Ты ему не нужна. У него есть подруга. Ему будет не хватать только одного — он больше не сможет тебя мучить.

Женщина. Мне тебе надо кое-что рассказать. Но ты должен держать язык за зубами. Леони ждет от него ребенка.

Другой мужчина. (*наигранно*). Ой!.. Да, да. Тебе, наверное, очень обидно, Хотя какое тебе до этого дело?

Женщина. Я просто решила остаться с ним. А теперь они тем более во мне нуждаются. Ты же видишь. Они даже белье не умеют погладить. Мусорят повсюду. Когда родится ребенок, мне придется постоянно заботиться о чистоте и порядке.

Другой мужчина. Конец всего — одиночество. Ты права. Просыпаешься утром, и тебя охватывает серый рассветный страх, холодный ужас, что рядом никого больше нет. Приходишь в себя, просыпаешься в беспредельной пустыне разума. Или еще хуже, какие-нибудь особы, которые некогда лежали рядом с тобой, теперь занимают пустые места в твоей постели, и, когда ты просыпаешься, вокруг лежат равнодушные призраки, простирают свои неосязаемые тела.

Женщина. Слава Богу! Я не одинока. Я вместе со всеми. И рада ребенку.

Другой мужчина. Не может быть, что ты — та самая, которая некогда сходила с ума от вкуса моих губ, запаха моих рук, моего фаллоса...

Женщина. Ах, милый!.. Дорогой мой! Вот ты стоишь передо мной... как будто бы с твоего лица волшебной палочкой стерли мужчину! Так снимать чары способно лишь высшее существо. Один только возраст сделать это не в состоянии. Что делает человек, который всю свою жизнь был не чем иным, как мужчиной для женщин? Что он делает, когда вдруг перестает им быть? Когда стоит перед нами высохший и костлявый. Когда теряет свою блестящую внешность, этот неотразимый повелитель чувств, этот талантливый соблазнитель?

Мужчина (*выходит из дому*). Почему бы его должна ожидать иная судьба, нежели племенного вождя в Древнем Судане? Что делали шиллуки со своим царем? Замуровывали его, как только его мужская сила угасала. Замуровывали заживо, вместе с последней любовницей.

Его подруга (*выходит из дому. На указательном пальце ее левой руки – бечевка, к концу которой привязан острый карандаш, волоочащийся по земле*). Говорят, он был жилистым и худощавым, как спринтер. Молчаливым и ненасытным. Потный и грязный стоит он сейчас перед нами. Сердце уже не то, чресла поувяли, коленки дрожат. Джинсы мятые, на заду обвисшие. Вязаная жилетка и рубашка болтаются на поясе. Он достает расческу из заднего кармана и приглаживает кудряшки на затылке. Аккуратен, как бездомный, заночевавший на скамье в парке.

Мужчина. Мужчина, который когда-то был моим кошмаром...

Другой мужчина. Я хотел бы переодеться.

Мужчина. Сейчас?

Другой мужчина. Немедленно.

Женщина. У тебя есть во что переодеться?

Его подруга. Можешь раздеваться. Раздевайся.

Все трое поворачиваются к нему спиной.

Другой мужчина (*раздевается, завязывает рубашку на бедрах*). Поменяемся одеждой, Штефан?

Мужчина. Только не с тобой. С тобой — никогда.

Другой мужчина становится на колени, подняв распростертые руки вверх.

Женщина. Посмотрите только: как он прекрасен! У него обнаженное тело флагелланта. Левый бок сплошь в красных рубцах. Так преклоняют колена кающиеся грешники на картинах старых мастеров. Ты сам себя наказываешь, бичуешь свое тело. Твои раны очень красивы. И твои умоляющие руки мне тоже нравятся. Кув-

шин, полный уксуса, стоит наготове. Все это говорит об истинно кающемся. Ты — кающийся.

Другой мужчина. Я не умоляю. И не каюсь. Я подпираю облако. Облако из омерзительных испарений. Из едкого смрада. Я держу облако, чтобы оно не опустилось на мою голову.

Женщина. Мы не видим никакого облака.

Его подруга. Мы не чувствуем никакого запаха.

Другой мужчина. Это миазмы вашего тлетворного дыхания. Миазмы ваших половых органов. Миазмы ваших ног и желудков. Они скопились в ядовитое облако.

Его подруга. Это не облако. Облако — вот оно. (*Брызгает спреем ему в лицо.*)

Другой мужчина. Я держу облако над головой, чтобы не задохнуться. Видите? Я потихоньку выталкиваю его со двора. Сейчас оно уйдет само. А я наконец-то с удовольствием выпью стаканчик и поплюю, без запахов. (*Наливает из кувшина в стакан, пьет, сворачивается калачиком на земле.*)

Женщина. Сдох петух.

Его подруга. Сдох.

Мужчина. Бешеный перебесился. Похороните соблазнителя.

Женщина (*поднимает ему голову*). Выше голову! Твой череп — воронка, через которую тебе надо прочистить мозги. (*Поливает его из кувшина.*)

Его подруга (*садится на него и рисует фломастером на его спине*). Твоя спина — древняя доска, на которой мне хочется нарисовать какие-то каракули: сердце со стрелой Купидона, имена, крестики, скабрёзности.

Женщина. Сдох петух.

Его подруга. Была свеча в подарок, остался один лишь огарок!

Мужчина (*накрывая его газетой*). Когда-то он был моим кошмаром.

Женщина (*пинает его в бок*). Сдох петух.

Затемнение.

Двор. Сумерки.

Его подруга. Не трогай меня!.. Ты больше ко мне не прикоснешься!.. Стой! Отдай!.. Нет!.. Не делай этого! Нет!

Слышен выстрел, сцена освещается. В дверях дома Мужчина и Женщина. Посередине сцены — Другой мужчина и Его подруга.

Мужчина. Кто стрелял?

Его подруга (*запыхавшись*). Возьми ее себе. Возьми назад эту старуху и оставь меня в покое. Исчезни с ней. Можешь взять ее себе. А меня оставь. Видеть ее больше не хочу. Ее вид портит мне радость ожидания ребенка.

Женщина. Но Леони! Я же всегда тебе помогала...

Мужчина. Где оружие? Откуда оно взялось? Кто стрелял?

Его подруга. Я ношу оружие с тех пор, как я с тобой.

Мужчина. Отдай его мне.

Его подруга. Стой, где стоишь. Я его купила у своего польского друга, после того как влюбилась в тебя. Когда решила перебраться к тебе.

Мужчина. Я не терплю вооруженных людей.

Его подруга. Между мужчиной и женщиной бывают ситуации, когда дело доходит до крайности...

Мужчина. У нас дело до крайности не доходит.

Его подруга. Существует достаточно историй, где он и она уже не находят выхода. Когда безумно любишь и бываешь в полном отчаянии.

Мужчина. Не рассказывай мне сказки.

Женщина. У тебя до этого еще никогда не доходило.

Мужчина. Не вмешивайся.

Его подруга. Я имею в виду, в крайнем случае.

Мужчина. Леони, пожалуйста. Посмотри на меня. Я не люблю, когда мне при малейших разногласиях угрожают оружием.

Его подруга. Оно здесь для нас обоих. Только на крайний случай.

Женщина. Ты ничего не понимаешь. Речь всегда идет о жизни и смерти. Если вообще о чем-нибудь идет речь.

Мужчина. Это кто же говорит такое?

Женщина. Любовь говорит. Сама любовь.

Поворачивается к Другому мужчине, который надел на голову сложенную из газеты детскую пилотку и сидит за столом, подперев лицо кулаками. Бумага на виске пропитывается кровью.

Что с вами? Вы только что были средоточием всего... У вас кровь!

Мужчина. Она ребенок! Дерзкая, нервная девчонка! Размахалась револьвером. Стреляет в моего гостя. Из-за каких-то разногласий. Из-за пустяка!

Его подруга. Неправда! Он ко мне полез. Полез под платье, потому что точно знал, где спрятан револьвер. Секунда — и оружие у него в руке, он мигом вырвал его у меня, раздался выстрел. Ему в самом деле повезло. Чуть не попал себе в лицо.

Мужчина. Так и было? Скажите нам правду! Господи, будьте наконец благоразумны! Все!

Другой мужчина. Я хочу домой.

Женщина. У вас больше нет дома. Ваша мать в доме престарелых. Ваши женщины разбросаны по свету. Ваш сын идет своей дорогой. У вас нет больше дома.

Другой мужчина. Когда-то я заботился о том, чтобы вы были очень красивы. Некоторое время вас засыпали комплиментами, потому что вы были очень красивы. Говорили, что я нашел вас, как находят среди сора любовное письмо, и невероятно нежно разгладил.

Мужчина. Удачное сравнение! По-моему, очень удачное. Это наверняка доставляло удовольствие.

Женщина. Да. (*Тихо.*) Удовольствие.

Мужчина (без всякого перехода). Отдай мне оружие, Леони.
Его подруга. Хорошо. Возьми. Тогда считай, что избавился от меня.

Женщина. Может, мне взять его у вас на хранение?

Его подруга. Я вполне серьезно, Штефан. Я знаю, что эта вещь значит для меня. Даже если до использования дело не дойдет.

Мужчина. Не знаю. Не знаю. Как мне себя вести? Что случится, если мы... если по какой-нибудь причине я потеряю самообладание? Как мне чувствовать себя непринужденно, если у тебя под подушкой спрятан этот польский револьвер?

Его подруга. Если б его не было, ты бы заметил.

Мужчина. Что?

Его подруга. Если б его не было, ты бы ничего не получил.

Мужчина. Чего не получил?

Женщина. Ладно. Хватит об этом. Все останется, как было. Пойми, наконец, она тебе не угрожает. Ты себя подбадриваешь таблетками, она — этой вещицей. Без этого вы не можете существовать. Понял?

Мгновение тишины. Его подруга заворачивает оружие в бархатный лоскут и прячет под юбкой.

Мужчина. Собственно, я собирался сообщить вам приятное известие. У меня в руках предложение владельца нашего шале о продаже, которое нужно обсудить. Думаю,

медлить не стоит, надо покупать. Цену, вероятно, еще можно сбить. Сами посудите: это шале будет у нас целый год, причем каждый год. Незачем будет всякий раз искать новое место для летнего отдыха. Здесь прекрасно. Есть места и покрасивее. Но мы их не знаем. Да и искать не надо. Мы созрели для покупки. И покупаем.

Другой мужчина. Я сюда больше никогда не приеду.

Мужчина. И не надо. Вы просто останетесь здесь.

Другой мужчина. Кто проводит меня к смотровой площадке? Там была остановка автобуса. Один я не найду дорогу.

Мужчина. Вы останетесь здесь. (*Тихо.*) Лучше вам остаться. Мы сейчас не в том настроении, когда один из нас может вдруг уйти. Вдруг исчезнуть. (*Громко.*) Наконец-то. Я уже целый год вынашиваю планы перестройки шале. Подойдите сюда. Я хочу вам их показать.

Раскладывает чертежи на земле. Женщина и он становятся на колени и склоняются над ними. Между тем Его подруга идет к Другому мужчине, садится у противоположного конца стола.

Начнем с сеновала. Мы его демонтируем. Каждый из нас получит свой уголок, плюс — часть балкона, который пустим вокруг всего дома. Леони, Ингрид, Клеменс, ваш покорный слуга. У одних балкон будет с видом на долину, у других — на восток, на озеро. Далее, предлагаю расширить двор путем сноса пекарни.

Женщина. Пекарню можно бы использовать как прачечную.

Мужчина. Пришлось бы подводить воду и электричество. Невыгодно, я бы сказал... переходим к кладовочке рядом с кухней... Тут уже есть чертежи... Минутку... Где они?.. Я все основательно продумал... Они еще в папке... (*Уходит в дом.*)

Женщина рассматривает чертежи.

Его подруга. Мы выставили себя на посмешище, мы оба, а не ты меня или я тебя. Мы оба — с нашим пистолетом. С нашими взглядами. Со всем нашим мировоззрением. Не удивительно, что к нам поворачиваются спиной, эти со своими планами... словно на вечеринке, хозяйева с коктейлями в руках, которые просто оставляют нас, умышленно нас не замечают, когда мы вежливо к ним подходим, наше поведение абсолютно образцово, и все вокруг диву даются, почему хозяйева игнорируют этих милых гостей, ведь они ведут себя безупречно, кротко и деликатно, пока не слышат, каковы наши убеждения,

что для нас всерьез значит то или другое, почему мы в каких-то случаях не идем на компромисс, почему даже не думаем отказаться от малой толики своей решительности, непоколебимой решительности, которая в конечном счете исходит от нас обоих, так что другие чувствуют себя мягкими, будто масло под ножом...

Другой мужчина. Что-то с освещением не в порядке...

Его подруга. Кто там рядом с тобой?

Другой мужчина. (*показывая рукой на воздух рядом с собой*).

Все мои духи. А кто рядом с тобой?

Его подруга (*подражая ему*). Все мои духи. Когда ты говоришь: что-то с освещением не в порядке, хотя все вокруг залито ярким солнцем, но ты говоришь: с освещением что-то, видимо, не в порядке...

Другой мужчина. Все здесь выглядит не так. И никогда так не выглядело.

Его подруга. ...тогда я говорю: да, что-то с освещением не в порядке, я могу так сказать, потому что передо мной был совсем другой человек.

Другой мужчина. В седой древности небо было по-настоящему светлым. Свет был неописуемо чист и мягок. Он породил новое, и жизнь выростала из камней, как и человек. Потом роза ветров изменилась. Свет стал резким и неустойчивым. Каким его знаем мы. Ведь другого никогда и не видели.

8

Женщина и Его подруга на двух табуретках в том же положении, как во второй сцене.

Женщина. Когда ребенок родится, он тебя выгонит. Все будет не так, как вы планируете. Ты и он, вы не справитесь с новой ситуацией. Будете только спорить и возненавидите друг друга.

Его подруга достает револьвер из бархатного лоскута.

Стало быть, ты исчезнешь, а я позабочусь о ребенке. Что ты на это скажешь?

Подбирает вверх волосы на затылке, а Его подруга одновременно поднимает обеими руками оружие и целится в затылок Женщине.

Ты ничего не стоишь, Леони. Ты существо проходное, сквозь тебя проходят, как сквозь туман и ветер. В итоге

это будет наш ребенок. Его и мой. Тебе не придется о нем заботиться. Отвечай!

Женщина опускает волосы, Его подруга — пистолет.

Его подруга. В другой раз.

[79]

ИЛ 9/2014

9

Во дворе перед домом. Женщина и Мужчина возводят из камня узкую башню. В верхней ее части еще оставлено неровное отверстие. В нем виден профиль спокойного, выпрямившегося Другого мужчины. Он в голубой, похожей на тогу накидке. Его подруга с оружием в руке командует работой.

Его подруга. Стройте, стройте!

Мужчина. Камни на исходе.

Женщина тащит тележку со свежим цементом.

Его подруга. Разве кирпичи от пекарни уже кончились?

Женщина. Да. Мы снесли пекарню до фундамента.

Его подруга. По дороге в лес есть заброшенный погреб.

Возьмите камни оттуда.

Женщина. Да, Леони. Осталось немного. Башня почти готова.

Его подруга. Как он прекрасен! Мой князь. Как спокойно и строго восседает на своем троне. Никогда не видела более красивого мужчины. Он не нравился мне, пока был среди нас. Пока ползал по земле, как все мы. Но теперь, наверху в башне, я люблю его.

Мужчина (*приносит два ведра камней*). Тебе двадцать пять лет... Ты понимаешь, что делаешь?

Его подруга. Мне уже не двадцать пять. Он вложил в мой мозг свое древнее знание.

Женщина. Ты всегда была хорошей спортсменкой. Выброси глупости из головы. Ты на третьем месяце.

Его подруга. Стройте!.. Стройте! Надо дойти до крайности. Испытать свои пределы. Иначе тело покроется грубой коркой и перестанет что-либо чувствовать. Это, безусловно, самое захватывающее, что когда-либо создавалось в моей стране. Стройте! Стройте! И, делая это, замуровываясь вместе с ним, наглухо замуровываясь, я буду тем, что останется!.. Князь ждет меня. У него сила, он несет свет.

Женщина. Но он же самый грязный из всех нас! Ты сама говорила.

Его подруга. Этот человек так далек от тебя! Удален от тебя на миллионы галактик. *(Нагибается, опираясь руками о колени, тренируется.)* Дышать неглубоко... едва дышать... сделай это ради меня... дышать экономно... даже если сердце стучит быстрее... отдохни... выше и выше... потому что ничего уже не меняется... потому что ты больше не можешь двигаться... дышать через силу... дышать через силу... Я иду к тебе, князь. Поднимаюсь к тебе на башню. Хочу тебя обнять. Единственный раз и навек. *(Поднимается по лестнице, садится верхом на Другого мужчину и прижимается к нему.)*

Другой мужчина. Ты пойдешь со мной?

Его подруга. Я грежу о твоих грезах. Погружаюсь в тебя, вижу другой мир. *(Прежде чем кладут последний камень, она через щель роняет пистолет на землю. Обращаясь к остальным.)* Стройте!.. Стройте!..

В башне слышны голоса обоих.

Его подруга / Другой мужчина. Дышать неглубоко... едва дышать... дышать через силу... ничего не говорить... ничего не говорить...

Женщина подбирает пистолет. Мужчина медлит, прежде чем положить последний камень. Потом замечает, как Женщина, будто околдованная, медленно направляет оружие на него. Он замуровывает башню.

10

Смотровая площадка с видом на горы, как в начале. Мужчина и Женщина с саквояжами. Мужчина смотрит в бинокль на долину.

Мужчина. С погодой нам в этом году в основном повезло. Было жарко. Но терпимо. Прекрасный участок. Я рад и горд, что мы, наконец, нашли свое место. Это ведь наше место, Ингрид.

Женщина. Ты что-нибудь видишь?

Мужчина. Там внизу жуткая тишина. Будто мы не сновали неделями туда и сюда. Пустота. Тишина. Заброшенность. Как вымерло. Будто мы там не пировали все время, не болтали, не веселились.

Женщина. Неужели никакого движения? Дай мне бинокль.

Мужчина подает ей бинокль. Идет к саквояжу.

Как жутко внизу. Башня стоит мрачная, замурованная, безжизненная.

Мужчина. Отнюдь не украшает участок.

Женщина. Там давно нечем дышать. Они наверняка задохнулись в муках.

Мужчина. Как только договор купли-продажи будет подписан, мы эту каланчу снесем. Она портит вид. Или тебе не мешает?

Женщина. Возможно, в последнюю секунду они пытались выбраться. И не смогли. Следов взлома не видно. При чем ведь между ними никогда ничего не было.

Мужчина. Лучше людям не слишком знать друг друга, если они вместе проводят свой последний час.

Женщина. Ты можешь себе представить, что это за муки, когда больше нечем дышать? Когда один отнимает у другого последний глоток воздуха?

Мужчина (*открывая саквояж*). Дорогая, будь любезна, отдай мне пистолет Леони.

Женщина (*после паузы*). Ты помнишь? Прошло некоторое время, с тех пор как ты снова застал меня врасплох, зашел ко мне, когда я убиралась на кухне, ни с того ни сего обнял меня, не вполне так, как раньше, но похоже, помнишь? Я давно уже была всего-навсего твоей экономкой, твоей домработницей, дамой для выходов в свет, которая не брезговала менять постельное белье для твоих подружек. Почему ты так долго меня мучил? Потому что я к тебе вернулась? Но ты меня любил. До дня моего возвращения.

Мужчина. Конечно. Я знаю, на что ты намекаешь. У меня тоже такое чувство, что эти интрижки с молоденькими женщинами мне уже не к лицу. В сущности, только выставляешь себя на посмешище. В конечном счете эти юные создания даже понятия не имеют, с кем имеют дело. Они не способны оценить весь жизненный вес, жизненный масштаб мужчины моего возраста. Отдай мне, пожалуйста, оружие, Ингрид.

Женщина. Я, собственно, хотела поговорить о том, что значил для меня этот случай, этот единственный случай за минувшие двадцать лет...

Мужчина. Ладно. Тогда позже. Не забудь об этом. Ты же не станешь прятать его под подушку!

Женщина. Почему нет? По крайней мере, попытаюсь. Речь ведь идет о чудо-оружии! Я думаю даже, без него нам не выдержать того, что внизу.

Мужчина. О чем ты?.. Минутку! Я должен кое-что сказать на сей счет. Я хочу предупредить заранее: если возникнут какие-либо вопросы, у нас или еще у кого-то, имейте в

виду — во всем, что недавно случилось там, внизу, в этом прискорбном инциденте моей вины нет. Меня скорее принудили к известному пособничеству, а принуждение — вне всякого сомнения, есть акт, караемый законом. По этому поводу мне бы не хотелось впредь дискутировать. (*Говоря это, он идет вперед и вдруг замечает, что Женщина отстала.*) Что случилось?

Женщина. Мы пытались спасти Вавилон. Но спасти Вавилон было уже невозможно.

Мужчина. Совершенно верно. Об этом я и говорю. (*Собирается идти дальше, берет свой саквояж, потом снова оборачивается, как будто желая переспросить, так как неверно понял...*)

Женщина. Исчезни. И больше не показывайся.

Другой мужчина и Его подруга появляются за спиной у Женщины, исцарапанные и согбенные.

Он бы хладнокровно это сделал. На самом деле уехал бы, не попытавшись вас спасти. Я не могла допустить, чтобы вы задохнулись. А он просто взял бы и уехал! Уходи. Никто из нас с тобой не пойдет.

Мужчина со своим саквояжем уходит прочь.

Женщина. Вы хотели стать символом — символом, который найдешь даже на том свете. Но потом вас объял страх смерти, вы закричали, стали царапать камни, и символ вас покинул.

Другой мужчина и Его подруга подходят к краю смотровой площадки и смотрят вниз на шале.

Другой мужчина. Сюда мы никогда больше не вернемся.

Затемнение